

УДК 94(47).073

<https://doi.org/10.36906/NVSU-2022/21>

Шнейдер К.И., д-р. ист. наук, **Рачев Е.Р.**
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

РОМАНТИЧЕСКИЕ СЕНТЕНЦИИ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.И. КОСТОМАРОВА КАК ПРЕДТЕЧА УКРАИНОФИЛЬСТВА

Аннотация. В статье исследуется влияние идей романтизма на раннее творчество Н.И. Костомарова – известного историка XIX в. и теоретика первой волны украинофильства. В частности, рассматривается совокупность художественных приемов, благодаря которым мыслитель апеллирует к рядовому украинскому читателю, поднимая проблемы национальной самоидентификации.

Ключевые слова: романтизм; Н.И. Костомаров; украинофильство; казачество; фольклор; идентичность.

Идеология романтизма оставила значительный след в русской культуре. Проникая во все сферы искусства в первой половине XIX в., романтическое мировоззрение привело к смещению ценностных ориентиров у российских мыслителей. Наиболее заметные изменения проявлялись в художественных композициях, в которых авторы рефлексировали на темы природы человеческих чувств, границах свободы личности, тернистости внутреннего мира человека, власти стихии и т.п.

Среди прочих творческих начинаний особое место занимала литература, переживающая свой «золотой век». Постепенно приобретая статус элитарных увлечений, сопричастность к которым подчеркивала прогрессивность дворянства, литературные салоны становились модным и масштабным общественным явлением, площадкой для высказывания определенных идей. Показательным примером могут служить кейсы отечественной революционной традиции XIX в., связанные с развитием радикальных кружков. Неслучайно они позиционировали себя как литературные сообщества, что нередко отмечали в названиях тайных организаций².

Русский романтизм состоялся в качестве самостоятельного культурного феномена далеко не сразу. Прежде чем читатели узнали о лирических произведениях В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, в столичной печати публиковались «реплики» и переводы сочинений авторов «Бури и натиска». И только по истечении первой четверти девятнадцатого столетия отечественная адаптация романтизма утвердилась в качестве ведущего направления

² «Литературное общество 11-го номера» – тайный литературно-политический кружок студентов Московского университета, существовавший под руководством В.Г. Белинского в 1830–1831 гг.

русской словесности. Сдержанность в критике рационализма, слабая социальная ориентация, гибкость и эклектичность не позволили романтической доктрине оставаться в фарватере творческой мысли на протяжении длительного периода времени. По наблюдению О.В. Зырянова: «Искусство «великого синтеза», как можно предположить, особенно характерно для классической эпохи <...>. Однако синтетические сплавы (например, романтизма и реализма, реализма и сентиментализма, романтизма и символизма) могут быть прослежены и в последующие исторические эпохи. Данное обстоятельство, по всей видимости, обусловлено имманентным природе самой художественной литературе механизмом культурно-творческого диалога, той «тоской по мировой культуре», которая составляет сущность искусства Нового и Новейшего времени» [2, с. 33-34]. Подобная *логика интеграции и пограничности* является центральной категорией для описания стиля и смыслового наполнения ранних эпосов героя настоящего исследования – Николая Ивановича Костомарова.

В отечественной историографии восприятие Костомарова базируется на двух ключевых сюжетах: участие в деятельности Кирилло-Мефодиевского общества и популяризация демократических идей в научных штудиях. В текущих ипостасях историк предстает в разной степени радикальности, но уже сформировавшимся мыслителем. Однако истоки фундаментальных воззрений Костомарова восходят к более раннему и менее освещенному периоду обучения в Императорском Харьковском университете, когда началось увлечение историка народной культурой Малороссии. Именно в это время Харьков становится центром развития украинофильства.

«Украинофильство есть привязанность весьма малого числа малороссиян к своей народности, происшедшая от того, что эта народность гаснет, народ меняет свой язык на русский, а известно, когда исчезает народность, всегда является в пользу ее агоническое движение» – с сожалением констатировал Костомаров [8, с. 298]. Поэтому для первых ревнителей украинской старины принципиальное значение имела демонстрация уникальности украинской культуры в печатном пространстве. Причем эта демонстрация заключалась не только в самопрезентации молодых писателей, но и в обращении к национальным корням местных читателей. Например, в поэтических сборниках украинофилов, которые были призваны выполнять сугубо развлекательные функции, начинают появляться этимологические разделы, направленные на объяснение малорусских выражений [9, с. 75-88]. Иначе говоря, новое идейное течение, преимущественно состоявшее из амбициозных студентов Императорского Харьковского университета, преследовало важные просветительские цели, однако достижение их приняло романтический оборот, что становится заметно на примере эволюции произведений Костомарова.

Дебютные работы мыслителя издавались на рубеже 30–40-х годов XIX в. в известных малороссийских сборниках. За относительно короткий промежуток времени автор попробовал себя в различных жанрах, которые сформировали его обширный художественный диапазон: от лирических поэм, стихотворений и баллад, до романтической драмы. Жанровая составляющая произведений накладывала свой отпечаток на форму изложения, развитие

сюжета, эмоциональность героев и многое другое, но при этом всегда сохраняя узнаваемые стилистические черты.

В первую очередь это *культ природы*. С одной стороны, в сочинениях Костомарова природа выступала определенной рамкой, позволяющей передать и усилить переживания персонажей. Особенно ярко это проявлялось в повествованиях на тему любви, популярной в народном творчестве. Например, в стихотворении «Поцелуй» ненастье «органично» показывало душевное состояние влюбленного юноши:

«Холодная ночка, мороз налегает,
А ветер осенний аж кости пронизывает.
Если бы он не дул, невзгода утихла,
Потому что моя милая холодная как лед!» [5, с. 46].

С другой стороны, роль природы не ограничивалась пассивным контекстом, на фоне которого происходят глобальные события. Напротив, Костомаров наделял природу некоторыми человеческими чертами и вводил второстепенным персонажем. Так, в стихотворении «Рожь» она становится медиумом между двумя мирами, отражая мистическую грань фольклора Малороссии:

«Рожь ветром тихо колыхнется.
Есть девушка из могилы дышит!
На рожь пала утром роса,
На ржи роса – девичья слеза!
Вся ржи красота – девственная душа;
Из рая прилетает, мир навещает» [6, с. 69].

Типичная для украинских народных сказаний *вера в сверхъестественные силы* превратилась в работах Костомарова в неотъемлемый атрибут национального характера малороссов, определивший поступки действующих лиц в кульминационные моменты. И если в шуточных балладах такое развитие сюжета оправдывалось особенностями жанра, то в сложных драматических композициях акцент на народных суевериях делался автором сознательно для конструирования украинской самости. Связывая свое будущее с академической наукой, Костомаров активно использовал исторические предания в романтических писаниях, в частности историю Саввы Чалого – противоречивой личности, отличившейся во время борьбы гайдамаков против польского гнета в 1734 г. На тему трагической кончины Саввы Чалого сложено множество казацких дум – лирических песен, но писатель остановился на мистических обстоятельствах заговора против главного героя. Центральному антагонисту повествования, Игнату Голому, удалось заполучить поддержку рядового казачества и свергнуть Савву по банальному поводу – ложному навету в ведовстве на его жену: «Солнышко стало садиться, смотрю: змеечка такой ужасный летит, а с хвоста так искры и сыпятся; присмотрелся... даже на змее сидит она, Савиха» [7, с. 197]. Таким бесславным получился закат лидера национального движения, убитого в результате тривиальной эмоциональной ссоры.

Схожая *экспрессивность в поведении героев* является значимой компонентой романтического творчества Костомарова. В противовес рациональным противникам, преследующим меркантильные цели, положительные персонажи украинофилов всегда находились под властью сильных возвышенных чувств, которые нередко представляли следствием двух взаимосвязанных состояний.

Отправной точкой рассказов Костомарова выступал *внутренний конфликт* личности, выражающийся в непреодолимых метаниях человека. Предметом душевных терзаний мог служить тяжелый выбор между милосердием и жаждой мщения, благородностью и подлостью, преданностью традициям и абсолютом личных амбиций. Страсти захлестывали украинских персонажей, управляли ими, а тем временем на втором плане раскрывался исторический контекст. Ему отводилась функция углубления человеческих переживаний за счет разворачивания *внешнего конфликта*. Подобной комбинацией приемов автор не только раскрашивал повествование, но и давал моральные оценки личностям прошлого и даже целым народам. Например, в центре внимания трагедии «Переяславская ночь» находятся отношения малороссиянки Марины и польского старосты города Францишек. Поскольку события происходят накануне восстания Б. Хмельницкого, Марина оказывается в сложной ситуации выбора между любовью и преданностью к семье и в целом к малорусской народности. Учитывая откровенную враждебность идеологии украинофильства к польскому «элементу», драматическая развязка этой истории выглядит предсказуемо:

«Меж тем, как братья и единоверцы

Мои, освободившись от неволи -

От вашего ярма, приносят Богу

Сердечную мольбу за избавленье, -

Я не хочу изменницею быть.

Я с вами не пойду теперь, с врагами

Моей Отчизны, по свету шататься

С проклятием от Бога и родных...

Я не твоя, Францишек, не твоя!

Покончено с любовью нашей» [4, с. 79].

Также нетрудно заметить симпатию Костомарова к мировоззрению казачества, которое в работах мыслителя наделялось особой миссией по защите христианской веры, оставаясь единственной надеждой малороссов на сохранение национальной идентичности в условиях потери самостоятельности. Поэтому сочинения историка продолжают традиции украинской интеллигенции по конструированию литературного феномена, получившего название «казачьего мифа» в одноименном фундаментальном исследовании С.Н. Плохого [10, с. 5]. Высшей точкой воспеания казачества Костомаровым можно считать теологическую утопию «Книга бытия украинского народа», когда «вольному сословию» позволялось не только бороться с этническими и конфессиональными противниками, но и свергать собственных царей. Закономерным исходом создания такого опуса стало дело о Кирилло-Мефодиевском обществе и заключение мыслителя с последующей высылкой подальше от заветной

Малороссии, но показательно, что происхождение «казачьего мифа» берет свое начало именно в раннем украинофильстве.

Подводя итоги, необходимо отметить, что вышеуказанные стилистические черты художественных произведений Костомарова являются свидетельством сильного влияния идей романтизма на творчество мыслителя в Харьковский период. Позднее историк это признавал и подчеркивал, что при создании трагедии «Переяславская ночь» он не был объективен, потому что оказался под воздействием баллад Ф. Шиллера [3, с. 159]. Между тем, источник вдохновения Костомарова был примечателен не только яркостью сюжетов и пылкостью персонажей, но и популяризацией концепции «народного духа», что также нашло отражение в работах Костомарова, в особенности, когда заходила речь об описании различных народностей. Например, поляки и евреи демонизировались историком и выглядели очень плоско, тогда как малороссы раскрывались полностью и представлялись носителями неповторимых черт национального характера. Более того, благодаря искренности и простоте героев, охваченных чувствами, украинофилом стирались границы между великими личностями прошлого и рядовыми читателями, что способствовало национальной идентификации не только читателей, но и самого писателя, поскольку согласно определению известного британского социолога Бенедикта Андерсона, нация – «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [1, с. 47].

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Зырянов О.В. Романтизм vs реализм в литературной классике XIX в. (круговорот понятий и подходов) // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. С. 12-36.
3. Костомаров Н.И. Автобиография Н.И. Костомарова. М.: Задруга, 1922. 440 с.
4. Костомаров М.І. Переяславська ніч. Трагедія Єремії Галки (Николая Костомарова). Лівів: Зь друкарні Михайла Ф. Поремби, 1867. 85 с.
5. Костомаров М.І. Поцілунок // М.І. Костомаров. Твори в двох томах. К: Дніпро. Т. 1: Поезії; Драми; Оповідання / Упоряд., авт. передм. та приміт. В.Л. Смілянська. 1990. С. 45-46.
6. Костомаров М.І. Рожа // М.І. Костомаров. Твори в двох томах. К: Дніпро. Т. 1: Поезії; Драми; Оповідання. 1990. С. 68-69.
7. Костомаров М.І. Сава Чалый // М.І. Костомаров. Твори в двох томах. К: Дніпро. Т. 1: Поезії; Драми; Оповідання. 1990. С. 166-216.
8. Нові зизнання М.І. Костомарова в III відділенні // Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. К.: Наукова, думка. Т. 1. 1990. С. 295-301.

9. Срезневський І.І. Український збірник. Перша книжка. Харків: Надруковано в Університетській друкарні, 1838. 88 с.

10. Plokhy S. The Cossack Myth: History and Nationhood in the Age of Empires. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2012. 402 p.

© Шнейдер К.И., Рачев Е.Р., 2022